

УДК 327:339.9

Антонович И.И.

Корпоративная власть и сетевые войны

Антонович Иван Иванович, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, действительный член Российской Академии социальных наук, профессор ИППК при МГУ имени М.В. Ломоносова, Чрезвычайный и Полномочный посол

E-mail: iantonovich@mail.ru

В статье анализируется современное социально-экономическое положение в мире как формируемое и направляемое транснациональными корпорациями, которые в погоне за прибылью создают транснациональные структуры власти, выходящие за рамки политических и экономических интересов национальных правительств. Тем не менее, на пике своей активности ТНК нуждаются в помощи мощных правительств для устойчивого достижения своих целей. Из всего мирового сообщества только США имеет возможность и желание это сделать. Американская стратегия лидерства в XXI веке в основном базируется на использовании в качестве инструмента сетевых войн.

Ключевые слова: индустриальная революция, информационная революция, глобализация, глобальный капитализм, корпоративная власть, средний класс, ТНК, сеть, сетевые войны.

За последние двадцать с лишним лет в странах постсоветского пространства были опубликованы десятки, если не сотни книг по проблемам управления и менеджмента. В каждой из них давались рецепты быстрого достижения светлого будущего в новых исторических условиях, с помощью новых средств управления экономикой и обществом в целом. К сожалению, автору неизвестно ни одного серьезного исследования на эту тему, которое делало бы свои рекомендации, основываясь на скрупулезном социально-экономическом и историческом анализе той или иной страны, возникшей на постсоветском пространстве. С одной стороны, такой анализ пока почти невозможно провести. Социалистические экономики, вознамерившись перейти в несколько приемов к экономикам развитого капиталистического типа, пока что вот уже несколько десятилетий представляют собой хаотическое скопление прежних, но надежных методов управления как все еще действующими социалистическими, промышленными и аграрными предприятиями, так и новыми приватизированными общественно-экономическими структурами, главной целью которых является максимизация прибыли за счет жестокого угнетения и эксплуатации интересов населения. С другой стороны, большинство авторитетов по менеджменту в своих исследованиях использует в качестве объекта социально-историческую реальность английского капитализма XIX столетия и опирается на классические марксистские принципы регулирования общественных процессов. Колоссально изменившийся мир, однако, требует новых подходов, новых приемов и новых нетривиальных решений, а самое главное – знание новых условий перехода от социализма к капитализму.

Мир находится в состоянии глобальной взаимозависимости и управляется с помощью финансовых и информационно-аналитических сетевых структур, осуществляющих повседневный контроль в режиме онлайн над процессами производства и обмена, сбыта и потребления в мировом масштабе. Это и есть глобализация, формирующая мировые реальности на рубеже XX и XXI веков.

В основе глобальной взаимозависимости лежит капиталистическая система общественного производства, не встречающая серьезных конкурентов на всемирной исторической арене и формирующая миропорядок по триединой формуле: «Свободный рынок, продвижение демократии и уважение прав человека». Эта формула атлантической модели – суть нового миропорядка, когда судьбы народов от целеполагания транснациональных корпораций, мотив деятельности которых прежний – максимизация прибыли. Он блокирует возможность реализации целей развития в интересах всего общества.

Собственно глобализация, к которой приковано сейчас внимание исследователей всего мира, – отнюдь не новый исторический процесс. Многие исследователи отмечают, что ее зачатки обнаруживаются уже в начале XX столетия. Знаковым событием в этом смысле является Парижская международная выставка 1900 г., которая, как утверждают сегодня многие социологи и историки, означала начало реструктуризации мирового хозяйства и общественных отношений. На этой выставке особенно зримо обозначилось соперничество Франции и Германии с Англией, владычицей морей и двигателем мировой экономики. И хотя Францию и Германию исследователи в начале XX столетия называли «странами ранней индустриализации» было ясно, что их целью является догнать и перегнать Великобританию в качестве «всемирной мастерской и кочегарки», и даже превзойти ее. Особенно всех удивила Германия богатством своего выставочного материала и мощным павильоном, в центре которого нахо-

дился «Рейх – дворец» (Reich Palast), невиданный по архитектуре и эманулирующий новую мощь. На фоне германской экспозиции все остальные европейские страны выглядели бедно. Французские посетители и особенно ветераны франко-прусской войны 1870 г. печально качали головой, приговаривая, что «выставка представляет собой второй Седан», имея в виду колоссальное поражение французских войск от прусских в 1870 г.¹

Наряду с немецкой экспозицией обращала на себя внимание и японская, однако сравняться с немцами японцам не удалось, и посетители просто считали ее «восточным эхом великих исторических успехов на Рейне», выражениями которых являлись гимн труду, отечеству и пропаганда войны как демонстрации силы².

Американские павильоны выглядели достаточно бледно. Родиной промышленной революции по-прежнему считалась Англия, однако американская коммерческая хватка уже хорошо ощущалась всюду в мире, и наблюдатели полагали, что немецкая наука, американская коммерческая практика и японская военная сила могут бросить серьезный вызов европейскому господству³.

События начала XX столетия слегка уточнили эти оценки, ибо уже в первую декаду в качестве наиболее динамичной технико-индустриальной державы обнаружила себя Северная Америка. Величайшей индустриальной революцией США было изобретение «безлошадного экипажа» (horseless carriage) – автомобиля, который конвейерное производство Форда сделало доступным широким слоям населения. Новая машина трансформировала образ жизни. Автомобиль потребовал новых транспортных артерий, целой серии мастерских, отелей, столовых, мест развлечения. Америка замыкалась в одну индустриально-техническую мощь. Двигателем этой мощи являлась автоматизация производства, которая позволила промышленнику Генри Форду произвести народную модель «автомобиль Т», стоимость которого за 5 лет он снизил от 700 долларов в 1910 г. до 350 в 1915. Одновременно американский бизнес сумел серьезным образом повысить в этот период заработную плату работающим. Если для того чтобы приобрести «автомобиль Т» среднему американцу нужно было работать в 1910 г. полтора года, то в 1915-м – только 6 месяцев.

По мере роста производительности свершилась эволюция снижения цен и увеличение потребительского спроса. На том же заводе Форда производство автомобилей увеличилось с 34 тысяч в 1910 г. до 830 тысяч в 1916. В целом по США в это время было выпущено полтора миллиона автомобилей – в четыре раза больше, чем тогда существовало в остальном мире.

С появлением автомобиля на рынке в США, а затем и в Европе началась эра массового потребления, которая стала одним из главных рычагов социально-экономической динамики капитализации вплоть до конца XX столетия.

Расширяющееся производство требовало все больше более крупных фабрик и заводов, новых принципов и средств управления. Условием успеха в экономическом соперничестве явилось строительство новых заводов с наиболее современным оборудованием, производящих товары широкого народного потребления, доступные основной массе населения. Великобритания – стареющая и слабеющая мировая держава – к этому времени не могла успеть за индустриально-технической гонкой США, Германии и Японии. Эти три страны постепенно подчиняли себе мировые рынки, поставляя им все новые и все более дешевые товары и реализуя коммерческие принципы, недоступные европейским странам.

Первая мировая война вовлекла в свою смертоносную орбиту Германию и другие европейские страны, которые вышли из нее серьезным образом ослабленными. США вступили в Первую мировую войну, когда ее исход уже был ясен, фактически для того, чтобы получить свою долю при разделе трофеев, которая полагалась Российской империи, несшей на себе основную тяжесть войны, но вышедшую из нее ввиду того, что монархический режим был уничтожен революционными процессами, надолго выключившими Россию из мировой торговли, обмена и политики.

Обессиленные войной и попавшие в долговую кабалу к Соединенным Штатам, Великобритания и Франция наложили тяжелейшую контрибуцию на Германию. Получаемые средства в виде контрибуции и репараций уходили на оплату процентов по их задолженности США. США, в свою очередь, использовали поступающие деньги для кредитных инвестиций в Германии, что в конечном итоге способствовало активизации фашизма⁴.

Америка получила по итогам Первой мировой войны важнейшие стратегические и экономические преимущества, которых она уже не уступила никому вплоть до конца XX столетия. Наиболее болезненным и запоздалым пониманием этого было в Великобритании. До начала Первой мировой войны англичане никак не могли согласиться, что их страна выпадает из списка лидеров мировой конкурентоспособности. За период между 1870 и 1913 гг. общий объем британской экономики удвоился, валовой доход увеличился в расчете на каждого жителя британских островов на 50%. После окончания Первой мировой войны Великобритания обнаружила, что она потеряла эти преимущества, и английские производители были вытеснены не только с мировых рынков, но даже из внутреннего: все заполнили американские товары, лучшие по качеству и более дешевые⁵.

Английские исследователи, пытаясь сохранить лицо, говорят, что причина этого упадка отнюдь не обесценилась войной, а тот факт, что Великобритания больше сосредоточилась на сфере услуг во внутриэкономической политике, увлеклась выгодными инвестициями за рубежом и слабо развивала национальную индустрию. На самом деле, истина в другом. Вышедшие на мировой рынок и включившиеся в мировое соперничество Германия и США развивали новые виды промышленности, которые обеспечили ускоренную индустриализацию и колоссально увеличили поток товаров потребления, заставив потребительский спрос работать на расширение экономики. Англия до Первой мировой войны была слишком занята и в какой-то мере «испорчена» эксплуатацией колониальных богатств. После Первой мировой войны она увязла в беспрерывных колониальных войнах, стремясь сохранить свою расшатанную империю, и это поглощало все ее жизненные силы.

¹ Frieden J.A. *Global Capitalism: Its Fall and Rise in the Twentieth Century*. New York, 2006, pp. 56–64

² *Ibid.*, p. 58.

³ Kindleberger C.P. *Economic Growth in France and Britain, 1851–1950*. New York, 1964. pp. 272–273.

⁴ Frieden J.A. *Op. cit.*, pp. 107–109.

⁵ *Ibid.*, pp. 113–124.

Еще одним фактором американского успеха была интенсивная банковская деятельность и репутация США как страны, строго придерживающейся золотого стандарта. К концу XIX столетия большая часть индустриально развитых стран с трудом придерживалась золотого стандарта. В обращение на полном ходу включились и бумажные деньги. Колоссальный экономический кризис в США и других капиталистических странах 1930-х годов еще больше усугубил экономическое неравенство между ведущими европейскими государствами, обострил социально-экономические отношения и стал причиной Второй мировой войны, из которой в западном мире главным победителем вышли Соединенные Штаты Америки. Под их контролем оказался мировой рынок. Они стали главным кредитором мира.

Восстановив экономику своих бывших противников – Германии и Японии, в целях усиления своих позиций в стратегии сдерживания коммунизма, Соединенные Штаты таким образом превратили их в своих финансово-экономических вассалов. Тяжкая удавка американской стратегии и американских управленческих решений ощущается обеими этими странами еще и сегодня. Подчинив таким образом себе исторических соперников, Соединенные Штаты позаботились о том, чтобы повсюду на мировой арене не возникало государств или группы государств, которые могли бы бросить вызов их господствующему положению.

Американская социологическая, философская и историческая литература полна мажорными лозунгами «американской исключительности», «американской очевидной судьбы», «американского лидерства» и т.д., вплоть до сегодняшнего дня, несмотря на то, что экономическая ситуация в самих США дает для этого мало оснований. Память о недавнем могуществе устойчива, как константа и гордость за славное прошлое. Сила США, добившихся глобального лидерства в конце XIX–XX вв. – в успешном свершении производственной научно-технической революции, радикальным образом изменившей систему производства и колоссально увеличившая объемы материальных благ. Доступность этих благ привела к тому, что классовая борьба организованного пролетариата потеряла свой масштабный и всемирноисторический характер, превратившись в демонстрации и вспышки недовольства в отдельных странах и отраслях производства, а мощная производственная система западных стран подчинила весь мир своим рыночным требованиям, завалила его необходимым количеством товаров и сумела осуществить контроль над всеми регионами мира. Куда поступали американские товары, туда же проникали финансово-кредитные потоки, создавая рычаги управления и военные средства контроля.

Важнейшим аспектом интеллектуальной революции по пути к глобальному капиталистическому миру было определенное объединение интересов рабочих – пролетариата и владельцев средств производства – капиталистов. Известный специалист по мировому менеджменту Петер Ф. Дракер объясняет это одной формулой: «Производственная эффективность»¹. Цель состояла не только в том, чтобы постоянно увеличивать прибыль владельцев, но и в том, чтобы наращивать возможности широких слоев населения в потреблении увеличивающихся потоков жизненных благ. Общество массового потребления стало новой социальной реальностью, в которой владельцы и рабочие, капиталисты и пролетарии имели общий интерес в повышении производительности и создании на этой основе гармоничных отношений в областях, требующих применения новых знаний к труду.

Гармония интересов между пролетариями и владельцами средств производства, конечно же, не наступила, однако в ведущих капиталистических странах было достигнуто определенное понимание того, что благополучие населения увеличивается только в условиях возрастания объемов производства и производимого продукта. Сам факт нарастания объемов производства требовал увеличения как международных, так и внутренних рынков, и поэтому потребительский спрос, в первую очередь населения самих производящих стран, стал мощным фактором расширения производства в годы после Второй мировой войны.

При этом новые управленческие технологии распространялись не столько на систему капиталистического производства, сколько на возбуждение потребительского спроса, для чего приходилось делать определенные шаги и в повышении заработной платы трудящегося населения, и в обеспечении доступности жизненных благ. Глобальный капитализм, означающий создание взаимозависимой производственно-экономической финансовой системы всемирно-исторического масштаба под контролем Соединенных Штатов, стал реальностью после Второй мировой войны². В основе его, конечно, лежала новая система отношений между владельцами капитала и наемными работниками. Одновременно серьезно изменилась и природа капитализма. У истоков инновационного производства стоял уже не одинокий капиталист-предприниматель, владелец всех средств, а ассоциации, акционерные общества владельцев капитала, которые должны были объединяться для финансирования новых громадных инновационных проектов. В период между 1945–1973 гг. собственность на капитал в процессе производства делегировалась во все больших объемах группам менеджеров, которые разрабатывали необходимые решения по увеличению производительности и получению прибыли и вознаграждались примерно так, как и владельцы капитала. Управленческая элита оказалась одинаково заинтересованной в увеличении прибыли, что и «коллективный капитализм».

В 1960-е–1970-е гг. исследователи заговорили о становлении нового международного и межрегионального разделения труда, формировании на этой основе других соотношений классовых сил и появлении новых структур производства в международных масштабах, которые в капитализме эпохи свободного предпринимательства, или даже на его империалистической стадии возникнуть не могли.

Петер Дракер так характеризует некоторые черты этого нового явления: «Появление глобального капитализма серьезным образом ускорялось технологическими революциями. В их числе колоссальные изменения в транспорте после Второй мировой войны (контейнеризация, новые двигатели, новые технические мощности, воздушный транспорт). Новая технология транспортировки серьезно снизила расходы на доставку, по сравнению с производственными и рыночными затратами. Информационные технологии (электронные телекоммуникации и электронная обработка данных) сделали реальностью финансовые рынки. Благодаря этому контролю управление

¹ Drucker P.F. *Post-Capitalist Society*. New York, 1993, p. 34.

² *Ibid.*, p. 63.

мировыми процессами стало намного проще и быстрее, чем когда бы то ни было. Огромные объемы капитала движутся по миру со скоростью света и столь же молниеносно инвестируются в производство. Отдельные этапы производства сливаются в одну непрерывную линию и это колоссально увеличивает доходность»¹.

Благодаря новой информационной революции, предприятия смогли использовать в своих филиалах рабочую силу в странах с различными экономическими системами и различным образом жизни. «Благодаря этим новым технологиям и под давлением процесса накопления, капитал может сейчас размещать исследовательскую работу и программы развития, высокотехнические производства и малотехнические конвейерные линии в самых различных частях света и управлять ею в одной программе, направленной на максимализацию прибыли»².

Характерно, что это создает возможности для крупных фирм в самых разных частях света. При всем при этом и уровень оплаты, и индустриальное поведение, и связи между работающими и управляющими являются различными.

Так возник средний класс, крайне пестрый по своему социальному составу, включающий в себя широкие круги интеллигенции, – врачей, учителей, государственных служащих, офицеров полиции, армии, правоохранительных органов и высококвалифицированных рабочих (т.н. «синие воротнички»).

Они оказались объединенными примерно одинаковым уровнем жизни, формирующимся в обществе массового потребления, делающим доступным широкий набор потребительских благ и создающим ощущение незыблемости и уверенности в завтрашнем дне.

В большинстве капиталистических стран в период 1960-х–1980-х гг. массовая структура среднего класса охватила большинство общества. Это люди, ориентированные на широкое потребление и на постепенное увеличение качества жизни. До конца 90-х гг. прошлого века они были уверены, что их дети будут жить лучше, чем они сами. Понятно, что в условиях доступности жизненных благ революционные импульсы угасали, а благополучию, казалось, не будет конца. Эти умиротворения и состояние социального благополучия обрушил нефтяной кризис середины 1970-х гг., который привел к серьезному нарушению платежных балансов в большинстве капиталистических стран и создал состояние к концу 1980-х, в котором уверенность, что дети представителей среднего класса будут жить лучше, чем они сами, уже не было.

В «нулевых» годах XXI столетия численное количество среднего класса в ведущих капиталистических странах уже не возрастает, рост жизненного уровня замедлился, и это создает новое социальное напряжение, которое выражается в растущем недоверии к структурам власти и демократическим процессам этих стран. Новая ситуация в условиях глобальной экономической и финансовой взаимозависимости большинства стран мира с наиболее производительными экономиками, в 1980-е гг. вошла в полосу затяжного кризиса. Этот кризис, фиксируемый известными исследователями современного капитализма (Манделл, Кастельс, Бауолс, Гордон, Вайскопф, Армстронг, Флинн, Харрисон), находит свое наиболее болезненное выражение в снижении уровня прибылей крупных индустриально-производительных комплексов.

П. Дракер утверждает по этому поводу: «В условиях глобального капитализма экономическая география мира реорганизуется. Международное разделение труда, сложившееся в условиях монополистического капитализма, серьезным образом преобразуется. Концентрация производственной деятельности в регионе Западной Европы и Северной Америки сменяется движением на восток. Индустриализация быстро охватывает все новые регионы мира»³. В новые регионы мира проникают, разумеется, самые мощные индустриально-технические гиганты, обладающие огромным избыточным капиталом. Освоение новых регионов мира заставляет их накапливать капитал с целью инвестирования его за пределами своих собственных стран. Это сужает возможности производственно-экономического роста в твердых капиталистических производствах и накопления. Быстро развивающиеся страны третьего мира в какой-то мере становятся соперниками капиталистических метрополий. Большая часть *outsourcing*, то есть стратегии размещения промышленности в развивающихся государствах, в качестве главной мотивации имеет невысокую стоимость рабочей силы в этих странах.

Размещая новые производства в странах третьего мира, крупные капиталистические предприятия «ломают» сложившиеся отношения труда и капитала в традиционных капиталистических странах. В эпоху глобального капитализма появляются новые формы экономического соперничества – пространственная мобильность и эволюция цен. Кто первый разместил свое производство в развивающейся стране, тот первый получает преимущество в прибыли за счет снижения стоимости рабочей силы. Преимущество это недолговечно, ибо оно, как правило, размывается соперничающими крупными производственными концернами, однако, даже кратковременное опережение конкурента дает ощутимую прибыль.

В глобальном капитализме возникают новые формы взаимозависимости, требующие новых форм согласования и управления, в частности примирение интересов высокооплачиваемых рабочих у себя дома и низкооплачиваемых рабочих в развивающихся странах. Постоянная научно-техническая революция в производстве, обеспечивающая увеличение продукции путем все меньшего числа работающих людей, создает новые резервные армии высококвалифицированного труда в странах-метрополиях, которые уже не могут быть поглощены сферой услуг. Часть их поглощается новыми производствами за рубежом, куда квалифицированные работники выезжают по долгосрочным контрактам, но это не решает проблемы.

Наблюдая эти процессы, исследователи из стран третьего мира, включенных в мировые интеграционные процессы глобального капитализма, говорят о необходимости «создания полицентричного мира, как управленческой структуры, в которой система взаимозависимости между более и менее развитыми странами может быть создана на основе учета нужд развивающихся стран»⁴. Это касается, прежде всего, ликвидации массовой бедности и создании условий получения образования населению стран третьего мира хотя бы там,

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid., p. 83.

⁴ Amin S. *Capitalism in the Age of Globalization: The Management of Contemporary Society*. London: Atlantic Highlands, New York: Zed Books, 1996, pp. 104–105.

где они включаются в мировые производственные процессы глобального капитализма.

Речь идет, конечно, о мировых программах, требующих усилий всех стран, участвующих в глобальном мировом разделении труда, формирующих структуры глобального капитализма в товарном производстве и рыночном обмене. Проблема, однако, в том, что глобальный капитализм не представляет собой единый, четко функционирующий управленческо-производственный массив. Структура глобального капитализма включает целую иерархию систем производства, сбыта и потребления. Известный экономист и социолог Бруно Амабль объясняет, что существуют разные виды капитализма, которые определяются различием форм и способов конкуренции на мировых рынках в различных регионах, уровнем и системой оплаты труда в различных сегментах рабочей силы на мировом рынке труда, специфики соотношения финансово-инвестиционной политики и корпоративного управления, социальной защиты систем образования. Он заявляет: «Я исхожу из существования пяти типов капитализма, которые характеризуются специфическими институциональными формами и своеобразием: чисто рыночная модель; социал-демократическая модель; континентальная европейская модель; средиземноморская модель; азиатская модель»¹.

Для нас важно отметить, что в условиях этого плюрализма организационно-управленческих форм институты глобального капитализма структурировались таким образом, чтобы избежать государственного вмешательства даже и в сильных в экономическом отношении странах. В этих условиях реализовать задачу получения прибыльности в мировом масштабе можно, только освободившись от диктата государства. Известный итальянский исследователь Джованни Арриги характеризует этот процесс таким образом: «К 1970 году, когда наступил кризис американской гегемонии, воплощенный в мировом порядке холодной войны, транснациональные компании создали мировую систему производства, обмена и накопления, не подчиняющуюся ни одному государству и способную подчинить своим «законам» любого члена межгосударственной системы, включая Соединенные Штаты. Появление этой системы свободных предприятий, то есть свободных от ограничений, накладываемых на процессы мирового накопления территориальной закрытостью государств, было наиболее важным результатом американской гегемонии»².

С последней декады XX столетия субъектом управления в глобальном капитализме является транснациональная корпорация (*large scale organization*), владеющая сетевыми структурами производственных предприятий, разбросанных по всему миру, постоянно перемещающаяся из одной страны в другую в зависимости от эволюции прибыльности. Проникновение транснациональных корпораций в ранее закрытые регионы мира осуществляется по триединой формуле апологетики: общий рынок, продвижение демократии и защита прав человека. Однако транснациональным корпорациям ни к чему демократические технологии управления общественными процессами. Им нужна только прибыль. Эпоха глобального капитала есть эпоха транснациональных корпораций. Естественно, когда современный капитализм становится единой глобальной сетевой структурой, состоящей из различных взаимозависимых компонентов, войны транснациональных корпораций за рынок становятся ожесточенными. Дорогостоящая конкуренция и экономические войны уступают место монопольным сговорам. Только так они могут обеспечить доступ к сырью и максимизации прибыли в странах пребывания. Это, к сожалению, не означает, что глобальный мир становится сферой всеобщего дружелюбия. Он не только не исключает войн, но придает им иной характер: войны диктуются интересами капитала и осуществляются странами, наиболее зависимыми от транснациональных корпораций. Внешнеполитической формулой, прикрывающей международную деятельность транснациональных корпораций, является «хорошее управление» (*good governance*), суть которого в обеспечении соответствия национальных экономических интересов правилам игры глобальных экономических и финансовых сил.

Транснациональные корпорации реализуют модель производства и сбыта универсального характера, замыкающую цепь производств в единую систему своего контроля: от добычи ресурсов и поставки сырья, транспортных возможностей обеспечения доставки его к месту производства, с последующим выдвиганием производственного продукта в наиболее выгодные рынки, обеспечивающие максимальную прибыль.

Производство, сбыт и потребление формируется, таким образом, в единую всемирную взаимозависимую систему и контролируется крупномасштабными организациями, действующими в условиях монопольных сговоров по доступу на наиболее прибыльные рынки. Для решения производственных задач транснациональные корпорации создают всемирные информационно-аналитические сети, развивают мощные разведывательные структуры, которые часто превосходят возможности отдельных государств и контролируют финансовую и банковскую систему, которая постоянно по ходу производства играет своего рода роль компенсаторного механизма, внедряющегося в производство системой кредитов каждый раз, когда в нем обнаруживаются сбои.

Корпоративная философия и стратегия действий имеет мало общего с системами ценностей, сложившихся в национальном государстве. Американский исследователь системы корпоративной власти Дэниэл Литвин называет современную транснациональную корпорацию «психопатическим созданием», которая «не может признавать или соблюдать моральные соображения, суть которых сводится к тому, чтобы избежать причинять вред другому. В ее правовой структуре не содержится ни грамма ответственности за последствия своих действий. Более того, они не раздумывают, когда надо нанести вред другому при условии, что, получаемые за это, преимущества намного превысят расходы. Только прагматичная забота о своих собственных интересах и законах страны пребывания служит тормозом хищных инстинктов корпорации. Но и этого редко когда достаточно для того, чтобы помешать корпорации приносить в жертву человеческие жизни, причинять вред человеческим поселениям и нарушать экологическое равновесие»³.

Важнейшим принципом деятельности транснациональной корпорации является «экстернализация убытков». Распространяя свое влияние на весь мир и, в частности, на те страны, где находятся ее предприятия,

¹ Amable B. *Les cinq capitalismes*. Paris, 2005, p. 25.

² Arrighi G. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London – New York: Routledge, 2003, p. 27.

³ Litvin D. *Empires of Profit: Commerce, Conquest and Corporate Responsibility*. New York – London, 2003, pp. 147–153.

добываются энергоресурсы, сырье, проходят транспортные, железнодорожные, морские, военно-воздушные пути, корпорация всегда стремится к тому, чтобы негативные последствия от ее деятельности оставались в этих странах, а не оказывали существенного влияния на рост прибыли. Национальные правительства вынуждены констатировать факты негативных последствий деятельности корпораций, и их неукротимую алчность при максимизации прибыли, однако ни одно демократически избираемое правительство не в состоянии сколько-нибудь серьезным образом ограничить эту деятельность.

Ведь стоит только начать применять сверхстрогий контроль за характером производства на том или ином крупном предприятии западных стран, транснациональная корпорация мгновенно принимает решение о перемещении этого предприятия в страны Азии или Латинской Америки с дешевой рабочей силой. Правительству остается заниматься судьбами тысяч людей, оставшихся в результате этого, без работы, искать пути ликвидации финансовой бреши, ввиду того, что налоги корпорация выплачивает уже другому государству, и пытаться разрядить социальное напряжение, которое возникает в результате этого.

Большая часть проблем, возникающих между правительствами и транснациональными корпорациями, решается тихо, без огласки. Американский исследователь корпоративной власти Д.С. Кортен утверждает, что экономическая глобализация сформировалась и осуществляется сегодня в тщательно замаскированных программах, доступа к которым общественность не имеет. Взаимодействие между национальной властью и корпоративным руководством реализуется, в основном, в форме консенсуса между элитами производства и элитами власти. Вроде бы все осуществляется в открытую, но, тем не менее, широкие круги общественности, уследить за тонкостями политических договоренностей между властью и корпорацией не в состоянии¹.

Кортен сообщает о трех важнейших структурах консенсуса элит, созданных для того, чтобы ликвидировать противоречия между корпоративными интересами: Американский совет по иностранным отношениям, Бильдербергский клуб, а также Трехсторонняя комиссия, которая служит центром, где осуществляется консенсус элит производства, финансов и власти современного мира². Все вопросы обсуждаются непублично, тайно.

Кортен пишет, что в этом «эксклюзивном, закрытом сообществе» присутствуют только люди, которые способны достичь консенсуса. Те из структур корпоративной власти или политической власти, кто не признает возможностей консенсуса, даже из числа лидеров западных стран, в клуб не приглашаются, и понемногу выдавливаются, как из экономического, так и из политического процесса³. И все же, транснациональные корпорации, решая свои задачи максимизации прибыли, в различных участках земного шара, несмотря на полную свободу в принятии решений по производственным делам, нуждаются в государстве, которое могло бы применить свою власть и имеющиеся возможности для обеспечения максимально благоприятных условий ведения бизнеса.

Недавно профессор школы международных исследований Денверского университета Джонатан Эделман в своей статье в журнале «Forbes», рассуждая о новой потребности в мировом лидерстве со стороны ведущей политической силы, заявил: «Кто, кроме Соединенных Штатов может претендовать на мировое лидерство? Европейцы? Японцы? Русские? В Европе сейчас безработица на уровне 12% (в Греции и Испании – на уровне 26%) и почти нулевой экономический рост. Вдобавок, население во многих странах Европейского Союза сокращается. Население Японии тоже сокращается и стремительно стареет. Эмигрантов в страну прибывает мало. Индекс *Nikkei* до сих пор на 20 тысяч с лишним пунктов ниже, чем в 1986 году, а японский госдолг составляет 240% от ВВП. Кроме того, в последние два десятилетия экономика Японии росла крайне медленно. Хотя Россия в последнее время часто упоминается в прессе как страна, принимающая Олимпиаду и Эдварда Сноудена, это еще не делает ее сверхдержавой. И у нее торговый профиль страны “третьего мира”, ВВП как у Канады (что составляет меньше 15% от ВВП Соединенных Штатов), и нет ни “мягкой” силы, ни кремниевой долины, ни Голливуда, ни Уолл-Стрит, ни университетов с высокими рейтингами»⁴.

Соединенные Штаты в начале XXI столетия увязли в войнах в Ираке и Афганистане, которые они не смогли выиграть. От цели мирового лидерства они, тем не менее, не могут отказаться. К этому вынуждает их экономическая ситуация в западном мире, чем-то напоминающая ситуацию в 1945 г. после окончания Второй Мировой Войны: кроме США, ответить на вызовы мировой ситуации в западном сообществе некому. США развивают и совершенствуют свои средства воздействия на мир, максимально активизируя, как «мягкую» силу, так и военные возможности. И, похоже, в ближайшем будущем будут решать свои задачи с помощью стратегии «сетевых войн».

Ключевым понятием для этой стратегии является термин «сеть». В «американском» английском помимо существенного «*network*» появился и глагол «*to network*» – охватить сеть, внедрить сеть, подключить к сети. В основе сетевых войн лежит информационное воздействие на мировые структуры и процессы в условиях, когда экономика материального производства постепенно заменяется экономикой знания, с тем, чтобы контролировать процесс принятия решений за счет активизации информационного обмена. Структуры сбора и обработки информации в Соединенных Штатах получают массу эмпирических данных, которые позволяют им ориентироваться, как в динамике мировых социально-экономических процессов, так и в направлениях их дальнейшего развития. Основой стратегии сетевой войны являются «операции базовых эффектов» (*effects based operations*) – совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил, врагов в ситуациях мира, кризиса и войны.

Понятно, что влияние – это выражение «мягкой» силы. Однако в каждом случае, когда «друзья, нейтральные силы и враги» этому влиянию не поддаются, США употребляют «твердую силу» – мощную глобальную сетевую структуру военного присутствия включающую более, чем 300 военных баз, расположенных в самых различных регионах мира, а также путем постоянного патрулирования мирового океана. С

¹ Kort D.C. *When Corporations Rule the World*. West Hartford, CT: Kumarian Press, 1995, pp. 133–172.

² *Ibid.*, p. 137.

³ *Ibid.*

⁴ Adelman J. "Why The U.S. Remains The World's Unchallenged Superpower." *Forbes*. S. Forbes, 24 Nov. 2013. Web. <<http://www.forbes.com/sites/realspin/2013/11/24/why-the-u-s-remains-the-worlds-unchallenged-superpower/>>.

2002 г. в Пентагоне сформирована управленческая структура, охватывающая весь Земной шар, разделенный на 6 зон ответственности региональных командований вооруженных сил США.

Смысл сетевых войн, которые США собираются практиковать в текущем столетии, заключается в превращении субъектов управления, в первую очередь, национальных государств, в управляемых марионеток еще до того, как США попытаются нанести им окончательное поражение военной силой. Некоторые исследователи называют это «выигрышем битвы до ее начала». Пока что в современном мире США – единственное государство, которое обладает необходимым экономическим и военным потенциалом, системой международного присутствия, которые делают возможным полномасштабное использование арсенала сетевых войн.

По сути, мировое противостояние СССР и США как двух центров силы в XX столетии тоже было своего рода формой мировой контрольной, ибо требовало мобилизации всех экономических, военных и даже культурно-нравственных ресурсов. Это было противостояние на грани войны, на грани взаимного уничтожения, а для реализации его целей использовалось «сетевое программирование», объединяющее пропагандистское влияние, экономическое воздействие и военную угрозу в комплексную стратегию мировой политики. Каждая из сторон, таким образом, делала максимум возможного, чтобы обеспечить свое выживание.

В условиях XXI столетия, когда на глобальные стратегические просторы в качестве второго государства мира выдвигается Китайская Народная Республика, подобное двустороннее противостояние тоже вполне реально. Такое взаимодействие может воспроизвести двухполюсный формат. Однако если противостояние СССР и США обеспечивали в основном, национальные системы, радикальным образом отличные, то нынешнее экономическое, индустриально-техническое могущество Китая и других стран Азии, обеспечено за счет экспансии транснациональных корпораций, инвестиций западных капиталов и ноу-хау. Иначе говоря, экономические системы новых влиятельных государств сформированы в основном технологиями вестернизации. Это создает принципиально новую геополитическую конфигурацию возможной двухполюсности.

Уже сегодня Китай и США существуют, как две мощные, взаимозависимые структуры: Китай испытывает острую потребность в хай-тек и ноу-хау, и только США могут обеспечить возможные масштабы китайских закупок и программ; Китай, в свою очередь, фактически уже на протяжении десятилетий, выкупает американскую экономику из кризиса, инвестируя в деловые бумаги и другие казначейские обязательства США огромные суммы своих золотовалютных резервов. В условиях этой взаимозависимости отнюдь не исключены противоречия, противостояния и конфликты, однако возможность мирового термоядерного конфликта представляется минимальной.

Благодаря быстрому экономическому и политическому подъему Китая и Индии на рубеже XX и XXI столетий, транснациональные корпорации получили возможность значительно расширить ареалы своих глобальных действий, и уходить с завоеванных позиций они не собираются. Следовательно, всякий крупный мировой конфликт, который ущемлял бы интересы получения прибыли транснационалами, становится маловероятным. Глобальный капитализм в этих условиях может подвергнуться весьма радикальной трансформации, и будет поставлен перед необходимостью выделения ресурсов на ликвидацию хронических мировых проблем – борьбы с бедностью, эпидемиями, хаосом и неуправляемостью в ряде государств мира. Это может сделать мир более безопасным для жизни будущих поколений, но путь к этому, желаемому результату подвержен многим опасностям, откатам назад, и совсем не исключает крупные мировые конфликты, несмотря на значительные издержки для участвующих сторон.

ЛИТЕРАТУРА

- Adelman J. "Why The U.S. Remains The World's Unchallenged Superpower." *Forbes*. S. Forbes, 24 Nov. 2013. Web. <<http://www.forbes.com/sites/realspin/2013/11/24/why-the-u-s-remains-the-worlds-unchallenged-superpower/>>.
- Amable B. *Les cinq capitalismes. Diversité des systèmes économiques et sociaux dans la mondialisation*. Paris: Seuil, 2005.
- Amable B. *The Diversity of Modern Capitalism*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Amin S. *Capitalism in the Age of Globalization: The Management of Contemporary Society*. London: Atlantic Highlands, New York: Zed Books, 1996.
- Arrighi G. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London – New York: Routledge, 2003.
- Arrighi G., Silver B. *Adam Smith in Beijing, Lineages of the Twenty-First Century*. London – New York: Verso, 2007.
- Carroll W.K., Carson C., Fennema M., Heemskerk E., Sapinski J.P. *The Making of a Transnational Capitalist Class: Corporate Power in the Twenty-First Century*. New York: Zed Books, 2010.
- Drucker P.F. *Post-Capitalist Society*. London – New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 1993.
- Frieden J.A. *Global Capitalism: Its Fall and Rise in the Twentieth Century*. New York: W.W. Norton, 2006.
- Harris R. "Organizing America: Wealth, Power, and the Origins of Corporate Capitalism." *Economica* 72.287 (2005): 556–558.
- Howell J. "Civil society, corporatism and capitalism in China." *Journal of Comparative Asian Development* 11.2 (2012): 271–297.
- Hutton W., Giddens A., Myers N. "On the Edge: Living With Global Capitalism." *Nature* 404.6774 (2000): 124–124.
- Gupta S. *Corporate Capitalism and Political Philosophy*. London: Pluto, 2002.
- Kindleberger C.P. *Economic Growth in France and Britain, 1851–1950*. New York: Harvard University Press, 1964.
- Korten D.C. *When Corporations Rule the World*. West Hartford, CT: Kumarian Press, 1995.
- Lin N. "Capitalism in China: A Centrally Managed Capitalism (CMC) and Its Future." *Management and Organization Review* 7.1 (2011): 63–96.
- Litvin D. *Empires of Profit: Commerce, Conquest and Corporate Responsibility*. New York – London: Texere, 2003.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Антонович, И. И. Корпоративная власть и сетевые войны / И.И. Антонович // Пространство и Время. — 2014. — № 1(15). — С. 30—36. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st1-15.2014.13.